

“САНДИ ТАЙМС” (THE SUNDAY TIMES) против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Судебное решение от 26 апреля 1979 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

В период между 1959 г. и 1962 г. в Англии многие дети родились с дефектами, как утверждалось, по причине того, что их матери принимали во время беременности в качестве успокаивающего или средства от бессонницы талидомид. Родители начали судебный процесс против изготовителя и продавца талидомида в Соединенном Королевстве, компании “Дистиллерс” (биохимикаты).

В сентябре 1972 г. газета “Санди таймс” опубликовала статью под заголовком “Наши талидомидные дети — причина национального позора” и объявила о своем намерении продолжить публикации, прослеживающие историю трагедии, начиная от изготовления и тестирования лекарства.

Компания “Дистиллерс” направила официальные представления Генеральному атторнею, утверждая, что вышеуказанные статьи представляют собой неуважение к суду, поскольку судебное разбирательство по делу еще не завершено. Генеральный атторней принял решение обратиться в Высокий Суд за судебным запретом на эти публикации. Таковой был выдан в ноябре 1972 г. Газета, со своей стороны, утверждала, что нормы о “неуважении к суду”, призванные охранять независимость и беспристрастность судебной власти, не могут пониматься как запрет профессиональным журналистам выполнять их обязанности. Вопрос, по их мнению, требует законодательного решения.

По апелляции “Таймс ньюспейперс лтд.” Апелляционный суд отменил запрет Высокого Суда, но после обращения Генерального атторнея в Палату лордов последняя 18 июля 1973 г. единогласно восстановила действие этого судебного запрета. Палата сочла, что публикация предполагаемой статьи составит неуважение к суду, т. к. она, вероятно, вызовет предубеждение у общественности по поводу спора, являющегося предметом незавершенного судебного разбирательства, включая переговоры о мировом соглашении между истцами и компанией “Дистиллерс”.

Действие запрета было в конечном итоге прекращено в 1976 г., а в 1981 г. был принят Закон о неуважении к суду, заменивший прецедентные нормы.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В своей жалобе, поданной в Комиссию 19 января 1974 г., заявители утверждали, что судебный запрет, изданный Высоким Судом и подтвержденный Палатой лордов, а также принципы, на которых основывалось решение последней, находятся в противоречии со статьей 10 Конвенции. Позднее, по ходу разбирательства, заявители утверждали *inter alia*, что имела место дискриминация, противоречащая статье 14, поскольку аналогичные публикации в других печатных изданиях не были запрещены, а также существуют различия в правилах, применяемых в Парламенте, когда затрагиваются судебные дела, и нормах о “неуважении к суду”, применяемых к прессе.

В своем докладе от 18 мая 1977 г. Комиссия выразила мнение *inter alia*:

- восьмью голосами против пяти, что ограничения, наложенные на право заявителей на свободу слова, были нарушением статьи 10 Конвенции;
- единогласно, что не имело место нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 10.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О статье 10

42. Заявители утверждают, что они стали жертвами нарушения статьи 10 Конвенции, которая предусматривает:

“1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Заявители полагают, что данное нарушение вызвано, во-первых, запретом, изданным английскими судами, а во-вторых, постоянными ограничениями, которым они подвергаются вследствие чрезмерной широты и расплывчатости действующих прецедентных норм о неуважении к суду. Комиссия в своем докладе выразила мнение, что по первому основанию нарушение имело место. Что касается второго основания, то главный представитель Комиссии в своем письменном представлении во время слушаний 24 апреля 1978 г. отметил также, что судебный запрет является не

единственным вопросом, подлежащим рассмотрению Суда в связи со статьей 10, и что, несмотря на решение Палаты лордов и даже скорее по причине его двусмысленности, заявители и другие средства информации постоянно становятся жертвами неопределенности действующих норм о неуважении к суду.

Правительство настаивало, что нарушения статьи 10 не было.

43. По поводу второго основания Суд напомнил, что “его компетенция по спорным вопросам ограничивается прежде всего содержанием жалоб, которые были поданы в Комиссию и приняты ею”. “Решение Комиссии, которым жалоба объявляется приемлемой, определяет предмет дела, переданного на рассмотрение Суда, и только в очерченных таким образом рамках Суд, после того как дело было передано ему в установленном порядке, знакомится со всеми вопросами факта и права, возникающими в ходе судебного разбирательства” (решение от 18 января 1978 г. по делу *Ирландия против Соединенного Королевства*. Серия А, т. 25, с. 63, п. 157). В данном случае Комиссия в своем решении о приемлемости жалобы от 21 марта 1975 г. уточнила, что поставленный перед ней вопрос заключался в том, “являются ли нормы о неуважении к суду в том виде, как они были сформулированы Палатой лордов, выдавшей запрещающее предписание, достаточным основанием для применения ограничений по статье 10 п. 2”. Рассмотрение Комиссией дела по существу ограничивалось именно этим вопросом.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что он должен рассматривать только вопрос о том, имело ли место нарушение Конвенции в силу судебного решения, вынесенного Палатой лордов.

44. Первоначально судебный запрет, о котором идет речь, был издан отделением Высокого Суда и касался только проекта статьи в “Санди таймс” (см. п. 21 выше). Он был отменен Апелляционным судом, но Палата лордов восстановила его действие и существенно расширила сферу применения, поручив отделению Высокого Суда предписать, чтобы “Таймс ньюспейперс лтд.”, как сама, так и через посредство своих служащих, агентов или иным образом, воздержалась от публикации, оказания содействия или дачи разрешения либо обеспечения издания или публикации любой статьи или материала, которые предвосхищают судебное решение по вопросам небрежности, нарушения договора или неисполнения обязательства или оценивают свидетельские показания, относящиеся к одному из указанных вопросов, возникающих в связи с ведущимся или неминуемо предстоящим судебным процессом против компании “Дистиллерс”... по поводу разработки, распространения или использования препарата “талидомид”.

45. Очевидно, что имело место “вмешательство со стороны государственных органов” при осуществлении заявителями свободы слова, которая гарантирована статьей 10 п. 1. Такое вмешательство влечет за собой нарушение статьи 10, если только оно не подпадает под одно из исключений, предусмотренных в п. 2 (судебное решение по делу Хэндисайда от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 21, п. 43). Таким образом, Суду предстоит в свою очередь проанализировать, было ли в настоящем случае вмешательство “предусмотрено законом”, преследовало ли оно цель или цели, которые в соответствии со статьей 10 п. 2 являются правомерными, и было ли оно “необходимым в демократическом обществе” для достижения указанной цели или целей.

А. Было ли вмешательство “предусмотрено законом”?

46. Заявители утверждают *inter alia*, что нормы о неуважении к суду, как до, так и после решения Палаты лордов, были настолько расплывчатыми и неопределенными, а принципы, провозглашенные этим решением, формулируют нормы настолько по-новому, что наложенное ограничение не может рассматриваться как “предусмотренное законом”. Правительство настаивает, что тем не менее это так. Оно добавляет в субсидиарном порядке, что по обстоятельствам дела ограничение было “предвидимым в основном”. На этот довод Комиссия сослалась в своем докладе, хотя и не исходила из предположения о том, что примененные Палатой лордов принципы были “предусмотрены законом”. Во время слушаний 25 апреля 1978 г. главный представитель Комиссии говорил, что с учетом неопределенности права данное ограничение нельзя рассматривать как “предусмотренное законом” по крайней мере тогда, когда в 1972 г. указанный судебный запрет был издан впервые.

47. Суд отметил, что слово “закон” в формуле “предусмотрено законом” охватывает не только статуты, но и неписаное право. Соответственно, Суд не придает значения тому обстоятельству, что институт неуважения к суду является детищем общего права, а не законодательства. Если считать, что ограничение, в силу общего права, не относится к “предусмотренным законом” единственно на том основании, что оно не закреплено в законодательстве, то это лишает участвующее в Конвенции государство, где действует общее право (*common law*), защиты статьи 10 п. 2 и подрывает самые корни правовой системы этого государства. Это явно противоречило бы намерениям составителей Конвенции.

Заявители не утверждают, что формула “предусмотрено законом” обязательно требует наличия законодательного акта; он требуется, только если — как в настоящем случае — нормы общего права настолько неопределенны, что они не удовлетворяют тому, что, по утверждению заявителей, составляет суть концепции, заключенной в этом выражении, а именно принципу правовой определенности.

48. В пунктах 2 статей 9, 10 и 11 Конвенции и французский, и английский текст используют равнозначное выражение “предусмотрено законом” (*prévues par la loi* и *prescribed by law*). Если, однако, французский текст сохраняет то же самое выражение в статье 8 п. 2 Конвенции, в статье 1 Протокола № 1 и в статье 2 Протокола № 4, то английский текст, соответственно, говорит иначе: “согласно закону” (*in accordance with the law*), “предусмотрено правом” (*provided for by law*) и “согласно праву” (*in accordance with law*). Таким образом, столкнувшись с несколькими версиями правоустанавливающего международного договора, каждая из которых является аутентичной, но не точно такой же, Суд должен дать им такое толкование, которое сближает их насколько это возможно и соответствует реализации целей и достижению задач договора (см. решение по делу Вемхофа от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 7, с. 23, п. 8, и п. 4 статьи 33 Венской Конвенции от 23 мая 1969 г. о праве международных договоров).

49. По мнению Суда, из выражения “предусмотрены законом” вытекают следующие два требования. Во-первых, право должно быть в адекватной мере доступным: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. Во-вторых, норма не может считаться “закон”, если она

не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, многие законы неизбежно пользуются терминами, которые в большей или меньшей степени расплывчаты: их толкование и применение — задача практики.

50. В настоящем случае вопрос о том, были ли выполнены требования доступности и предсказуемости, осложняется тем обстоятельством, что разные судьи исходили из различных принципов. Отделение Высокого Суда применило принцип, согласно которому актом неуважения к суду является попытка оказать давление на одну из сторон процесса, чтобы помешать мирному урегулированию спора (“принцип давления”, см. п. 23 выше). Некоторые члены Палаты лордов также ссылались на этот принцип, тогда как другие предпочли ему принцип, по которому неуважением к суду является публикация материалов, которые предвосхищают судебное решение или могут вызвать у общественности преждевременные представления об итогах незавершенного судебного спора (“принцип предвосхищения”, см. п. 29—33 выше).

51. Заявители не утверждают, что они не знали в обстоятельствах данного дела о “принципе давления”. Его существование было признано адвокатом “Таймс ньюспейперс лтд.”, который, как записано в протоколе, сказал в отделении Высокого Суда: “Эта статья, даже если она и оказывает давление на одну из сторон, вовсе не является неуважением к суду, потому что [высший общественный интерес] исключает квалификацию ее как правонарушения. Иначе говоря, даже если статья и выглядит как неуважение *prima facie*, высший общественный интерес служит защитой от того, что при других обстоятельствах было бы неуважением к суду”. Кроме того, судья Апелляционного суда Филлимор сослался на “многочисленные прецеденты... показывающие, что попытка возбудить общественное негодование против одной из сторон является серьезным неуважением к суду”.

Суд также считает, что нет сомнения в том, что “принцип давления” был сформулирован с достаточной степенью точности, которая позволяла заявителям в необходимой степени предвидеть последствия публикации статьи. В деле “Вайн продактс лтд.” против Грин 1966 г. судья Баклей сформулировал норму о неуважении к суду следующим образом: “Появление комментариев о текущем судебном процессе в любой форме, могущей причинить вред справедливому рассмотрению дела, явится со стороны любой газеты неуважением к данному суду. Произойти такое может по-разному... Может случиться так, что комментарий окажет тем или иным способом давление на одну из сторон по данному делу, как-то: помешать ей вести судебный процесс, побудить ее согласиться на мирное соглашение на таких условиях, которые она в других обстоятельствах не стала бы рассматривать, либо повлиять иным образом на ведение дела, где она должна быть свободна в выборе средств обвинения и защиты, пользуясь при этом советами, но не подвергаясь давлению”.

52. Заявители утверждали, с другой стороны, что “принцип предвосхищения” является новым, а потому у них не могло быть адекватного указания

на его существование. В подтверждение этой точки зрения заявители цитируют несколько источников, включая доклад Филлимора, где заявлялось, что Палата лордов “сформулировала значительно иной критерий” (см. п. 18 выше). Суд отмечает в этой связи:

— в поданном заявителями меморандуме утверждается, что “принцип предвосхищения”, т. к. он был применен Палатой лордов к обстоятельствам настоящего дела, никогда ранее не использовался для обоснования судебных решений в английских судах в подобных делах” (подчеркнуто Судом);

— в 1969 г. Межминистерский комитет по подготовке Закона о неуважении к суду (см. п. 36 выше) заявил в п. 26 своего доклада, что “не существует зарегистрированных дел, где кто-либо был признан виновным в неуважении к суду по причине комментирования процессов без участия присяжных... Однако имеются мнения, поддерживающие ту точку зрения, что подобный комментарий может вылиться в неуважение к суду”;

— в третьем издании (вышедшем в 1972 г.) “Halslury’s Laws of England” (т. 8, с. 7 и след., п. 11—13) содержатся следующие пассажи со ссылкой на прецедентное право: “...письменные высказывания... вызывающие предубеждение общественности против или в пользу стороны по делу, являются неуважением к суду... нет [ничего] более пагубного по своим последствиям, чем вызывать предубеждение в умах людей против лиц, выступающих стороной в процессе, прежде чем дело будет окончательно рассмотрено в суде... Неуважением к суду является публикация статьи в газете с комментарием о ведущемся процессе... по гражданскому делу... В таких случаях следует учитывать вред, который приносит тенденция подменять судом газет разбирательство в судах страны... С другой стороны, суммарную процедуру [при определении наказания за неуважение к суду] следует применять только тогда, когда велика вероятность того, что данная публикация может серьезно помешать справедливому судебному разбирательству”.

Суд отмечает, что Палата лордов ссылалась на различные источники “принципа предвосхищения” и, в частности, на решение по делу *Хант против Кларка* 1889 г., где судья Коттон изложил его следующим образом: “Если кто-либо будет обсуждать в газете достоинства дела или свидетельские показания, которые могут быть даны по нему до того, как дело будет рассмотрено судом, то это, с моей точки зрения, будет серьезной попыткой вмешательства в надлежащее отправление правосудия. Не нужно, чтобы сам суд пришел к выводу, что у судьи или у присяжных могло бы сложиться предубеждение в отношении одной из сторон; для наличия вмешательства достаточно, чтобы статья мешала надлежащему рассмотрению дела судом. Это заслуживает соответствующего наказания, дабы не допускать подобного поведения”. Более того, редактор “Санди таймс” в письменных показаниях, направленных в отделение Высокого Суда, признал: “Я получил юридическую консультацию, что [предполагаемая] статья... относится к иной категории, чем те статьи, что были опубликованы ранее, в том плане, что наряду с предоставлением информации, усиливающей моральную аргументацию в целях более справедливого мирового соглашения, она включала данные по вопросу ответственности, поставленному в судебном процессе по делу о талидомиде”.

Суммируя вышесказанное, Суд не считает, что заявители не имели достаточной информации о существовании “принципа предвосхищения”. Даже если у Суда и имеются некоторые сомнения, касающиеся точности, с кото-

рой данный принцип был сформулирован на период рассмотрения данного дела, он полагает, что заявители могли в разумной по обстоятельствам дела степени предвидеть риск столкновения с указанным принципом при публикации статьи.

53. Таким образом, вмешательство в осуществление свободы слова заявителями было “предусмотрено законом” в смысле статьи 10 п. 2.

В. Преследовало ли вмешательство правомерные цели в соответствии со статьей 10 п. 2?

54. С точки зрения заявителей, Правительства и меньшинства Комиссии, нормы о неуважении к суду служат целям защиты не только авторитета и беспристрастности правосудия, но также прав и интересов тяжущихся.

Большинство Комиссии, с другой стороны, соглашаясь с тем, что этот правовой институт служит обеспечению справедливости правосудия и тем самым имеет цель, схожую с той, что предусмотрена статьей 10 п. 2, где говорится об обеспечении авторитета и беспристрастности правосудия, считало, что в ее задачу не входит отдельное рассмотрение того, насколько этот Закон служит делу защиты прав других лиц.

55. Суд подчеркнул, что выражение “авторитет и беспристрастность судебной власти” следует понимать “в смысле Конвенции” (см. *mutatis mutandis* решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 29—30, п. 88), т. е. с учетом того, что ведущей в этом контексте является статья 6, где отражен основополагающий принцип господства права (см., например, решение по делу Голдера от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18, с. 17, п. 34).

Понятие “судебная власть” охватывает механизм осуществления правосудия, ветвь государственной власти, а также самих судей при осуществлении ими своих должностных обязанностей. Выражение “авторитет судебной власти” выражает идею о том, что суды — это органы, призванные подтверждать юридические права и обязанности и решать споры о них; широкая публика должна воспринимать их в таковом качестве и с уважением и доверием относиться к способности суда выполнять данную функцию.

В данном контексте достаточно согласиться с описанием общих целей Закона о неуважении к суду, перечисленных в докладе Филлимора. Как можно увидеть из п. 18 выше, формы поведения, охватываемые нормами о неуважении к суду, относятся в основном либо к позиции судей, либо к функционированию судов и аппарата юстиции; эти нормы “обеспечивают авторитет и беспристрастность правосудия”, что и является их целью.

56. В данном случае Суд разделяет точку зрения большинства Комиссии: в той мере, в какой нормы о неуважении к суду могут служить для защиты прав тяжущихся, эта цель уже входит в выражение “обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия”. Защищаемые таким образом права личности в качестве стороны в процессе, т. е. как человека, вовлеченного в механизм правосудия, нельзя обеспечить, если авторитет правосудия не будет распространен на каждого, кто оказался в его сфере. Поэтому нет необходимости рассматривать в качестве самостоятельного вопрос о том, преследует ли “неуважение к суду” такую цель, как защита “прав других лиц”.

57. Остается рассмотреть, было ли целью вмешательства в осуществление заявителями права на свободу слова обеспечение авторитета и бес-

пристрастности правосудия. Ни один из членов Суда Палаты лордов, принимавших участие в рассмотрении дела, не основывал свое решение на том, что намеченная к опубликованию статья может повлиять на “беспристрастность” правосудия. Указанный довод никем перед судом не приводился и может не приниматься во внимание.

Причины, по которым проект статьи вызвал возражения Палаты лордов (см. п. 29—33 выше), можно коротко суммировать следующим образом:

— она “предвосхищала бы судебное решение” по вопросу о небрежности и вела либо к проявлению неуважительного отношения к правовой процедуре, либо к вмешательству в осуществление правосудия;

— ее содержание выставило бы компанию “Дистиллерс” на досудебный суд общественности, и подобное обсуждение дела по существу вызывает возражения, т. к. оно мешает судебному рассмотрению и сторонам процесса;

— она подвергала бы компанию “Дистиллерс” давлению и наносила ей ущерб предвзятым освещением вопросов, подлежащих судебному разбирательству, а нормы о неуважении к суду направлены на то, чтобы предотвратить такое вмешательство;

— предвосхищение судебного решения в прессе неизбежно привело бы к возражениям участников процесса, создав тем самым угрозу “газетного разбирательства”, что несовместимо с надлежащим отправлением правосудия;

— на судах лежит долг оградить стороны от вреда, наносимого тем, что преждевременные решения вовлекают их в водоворот досудебной полемики.

Настоящий Суд рассматривает все эти многообразные причины как соответствующие цели обеспечения “авторитета правосудия” в том виде, как он толкуется Судом во втором абзаце п. 55 выше.

Соответственно, вмешательство в осуществление свободы слова преследует цель, которая в соответствии со статьей 10 п. 2 является правомерной.

С. Было ли вмешательство “необходимо в демократическом обществе” для обеспечения авторитета правосудия?

58. Согласно представлению заявителей и по мнению большинства Комиссии, указанное вмешательство не было “необходимым” в смысле статьи 10 п. 2. Правительство оспаривало это, утверждая, что меньшинство Комиссии было право, когда оно пришло к противоположному выводу, полагаясь главным образом на сферу усмотрения, которым пользуется в данном вопросе Палата лордов.

59. У Суда уже была возможность изложить в упомянутом выше решении по делу Хэндисайда свое понимание выражения “необходимо в демократическом обществе”, характер его функций при рассмотрении соответствующих вопросов и то, каким образом они осуществляются.

Суд отметил, что, хотя слово “необходимо” в смысле статьи 10 п. 2 не является синонимом слова “незаменимо”, оно в то же время не обладает гибкостью выражения “допустимо”, “обычно”, “целесообразно”, “разумно” или “желательно” и что оно подразумевает существование “неотложной социальной потребности” (с. 22 п. 48).

Суд подчеркнул, что первоначальная обязанность обеспечить права и свободы, воплощенные в Конвенции, лежит на самих государствах-участни-

ках. Соответственно, “статья 10 п. 2 оставляет за Договаривающимися Государствами определенную сферу усмотрения. Эта сфера предоставлена как законодателю... так и органам, в том числе и судебным, которые призваны толковать и применять действующее законодательство” (с. 22 п. 48).

Тем не менее статья 10 п. 2 “не дает им неограниченной свободы усмотрения”. “Настоящий Суд... вправе выносить окончательные решения о том, насколько то или иное ограничение совместимо со свободой слова в том виде, как она охраняется статьей 10. Таким образом, сфера внутреннего усмотрения идет рука об руку с европейским контролем, который “охватывает как закон, лежащий в основе решения, так и само решение, в том числе и вынесенное независимым судом”.

Из сочетания этих принципов Суд сделал вывод, что “в его задачу входит не подмена национальных судов, а контроль за соответствием статье 10 тех решений, которые они вынесли, осуществляя свое право на усмотрение” (там же, с. 23, п. 50).

Это не означает, что Суд ограничивается установлением того, действовало ли государство-ответчик при осуществлении своих дискреционных полномочий разумно, тщательно и добросовестно. Даже когда государство-ответчик действует именно так, оно остается под контролем Суда в отношении совместимости его действий с обязательствами, вытекающими для него из настоящей Конвенции. Суд по-прежнему не согласен с противоположной точкой зрения, которая защищалась Правительством и большинством Комиссии по делу Хэндисайда (с. 21—22, п. 47).

Объем полномочий, предоставленных государствам для усмотрения, не одинаков в отношении всех целей, перечисленных в статье 10 п. 2. Дело Хэндисайда касалось “охраны нравственности”. Взгляды Договаривающихся Государств на “требования нравственности”, отметил Суд, “меняются в зависимости от места и времени, особенно в современную эпоху”, и “органы государственной власти в принципе находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы судить о точном содержании этих требований” (с. 22, п. 48). Но этого же нельзя сказать о гораздо более объективном понятии, каковым является “авторитет правосудия”. Внутреннее законодательство и практика Договаривающихся Государств обнаруживают значительно больше общего. Это нашло отражение в целом ряде норм Конвенции, включая статью 6, которая не содержит “нравственных критериев”. Соответственно, здесь более широкой сфере европейского надзора будет соответствовать сужение сферы усмотрения государств.

В различных, но до некоторой степени сопоставимых контекстах п. 3 статьи 5 и п. 1 статьи 6 настоящий Суд не раз приходил к выводам, отличающимся от тех, к которым пришли национальные суды по вопросам, в отношении которых они были компетентны и квалифицированы, чтобы дать их первоначальную оценку (решение по делу Неймастера от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 8, с. 9—15 и 38—40; решение по делу Стогмюллера от 10 ноября 1969 г. Серия А, т. 9, с. 11—24, 39 и 43—44; решение по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. Серия А, т. 13, с. 24—34, и 42—44; решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 16 *in fine*, 22, 23—24 и 33—40).

60. Как меньшинство Комиссии, так и Правительство придают большое значение тому факту, что институт неуважения к суду свойствен странам общего права, и высказали предположение, что заключительные слова статьи 10 п. 2 предназначены для того, чтобы охватить именно этот инсти-

тут, который не имеет аналогов во многих других государствах — членах Совета Европы.

Однако, если даже так оно и было, Суд полагает, что общая цель включения этих слов состояла в том, чтобы “уважение к суду” считалось правомерным в смысле статьи 10 п. 2, а не в том, чтобы превратить этот институт в эталон, по которому будет проводиться оценка “необходимости” той или иной конкретной меры. Даже если в какой-то мере последние слова статьи 10 п. 2 были “подсказаны” английскими нормами о неуважении к суду или иными аналогичными институтами внутреннего права, Суд не может принять их в таком же виде, т. к. они переносятся в автономный правовой контекст. Суд должен давать оценку “необходимости” в понятиях Конвенции, его роль заключается в том, чтобы проверять соответствие национальных правовых актов нормам данного договора.

Кроме того, Суд осуществляет надзор в свете всего дела в целом (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 50). Соответственно, он не должен терять из виду различные доводы и решения, изложенные в судебных материалах, которые суммированы выше в п. 22—35, а также широкое обсуждение в Англии института неуважения к суду и предложений по его реформированию. Относительно последнего Суд отмечает, что хотя правительственная Зеленая книга приводит аргументы как за, так и против некоторых рекомендаций комитета Филлимора, она не ставит под вопрос предложение о том, что принцип “предвосхищения судебного решения”, на который ссылалась Палата лордов, подлежит пересмотру (см. п. 37 выше).

61. Суд не может объявить, что судебный приказ не был “необходим”, только на том основании, что его не отдали бы в условиях другой правовой системы. Как отмечалось в судебном решении по делу “О языках в Бельгии” от 9 февраля 1967 г., основная цель Конвенции состоит в том, чтобы “установить определенные международные стандарты, которые должны соблюдаться Договаривающимися Государствами в их взаимоотношениях с лицами, находящимися под их юрисдикцией” (Серия А, т. 5, с. 19). Сказанное не означает требования абсолютного единообразия, и Договаривающиеся Государства остаются свободными в выборе средств, которые они считают надлежащими. Суд не может забывать об особенностях их материального и процессуального права (см. *mutatis mutandis* решение по делу “О языках в Бельгии” от 23 июля 1968 г. Серия А, т. 6, с. 34—35).

62. Необходимо решить, было ли обжалуемое “вмешательство” обусловлено “неотложной социальной потребностью”, было ли оно “соразмерным преследуемой правомерной цели”, являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, “достаточными и соответствующими критериям статьи 10 п. 2” (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 22—24, п. 48—50). В этой связи Суд проанализировал предмет судебного запрета, состояние рассмотрения дела о лекарстве “талидомид” на соответствующий период времени и, наконец, сопутствовавшие делу обстоятельства, в которых был выдан судебный запрет.

63. Судебный запрет в той форме, в которой он был отдан Палатой лордов, был направлен не только против опубликования статьи в “Санди таймс” (см. п. 44 выше). Заявители утверждают, что он мешал им также передать результаты своих исследований в некоторые правительственные комитеты и членам Парламента, а также не давал им возможности продолжить исследования, откладывал осуществление планов публикации книги и лишал редактора “Санди таймс” права выступать с комментариями по данному вопро-

су или отвечать на направленную против него критику. Судебный запрет был выражен в широкой формулировке, которая охватывала все перечисленные моменты; сама его широта требует особо тщательного анализа “необходимости” такого запрета.

Тем не менее основным предметом судебного запрета был проект статьи. Таким образом, необходимо прежде всего установить, были ли представления национального суда относительно потенциального воздействия статьи соответствующими задаче поддержания “авторитета правосудия”.

Один из доводов, на которые ссылался этот суд, состоял в том, что давление, которое статья оказала бы на компанию “Дистиллерс”, вынуждало последнюю урегулировать претензии по искам до решения суда на более выгодных условиях для истцов. Однако даже в 1972 г. публикация статьи вряд ли что-либо добавила к тому давлению, которое уже оказывалось на “Дистиллерс” (см. второй абзац п. 29 выше). В еще большей степени это применимо к ситуации, сложившейся в июле 1973 г., когда Палата лордов вынесла свое решение: к тому времени дело о талидомиде обсуждалось в Парламенте и стало предметом не только дальнейших комментариев в прессе, но и оказалось в центре общенациональной кампании (см. п. 13 и 14 выше).

В выступлениях в Палате лордов выражалась тревога, что должная правовая процедура может лишиться уважительного к себе отношения, а функции судов окажутся узурпированы, если мнение общественности по вопросам, являющимся объектом судебного разбирательства, будет сформировано до их рассмотрения судом или если участникам судебного процесса придется проходить “суд газет”. Подобная озабоченность сама по себе соответствует задаче поддержания “авторитета правосудия” в том виде, как данное выражение понимается Судом (см. п. 55 выше). Если вопросы, возникающие в ходе рассмотрения спора в суде, предаются огласке таким образом, что это заранее ведет к формированию у общественности своего собственного по ним мнения, то она может утратить свое доверие и уважение к судам. Нельзя исключить того, что привычка общественности к регулярно зрелищу псевдосуда в средствах информации может иметь в конечном итоге пагубные последствия для восприятия судов в качестве надлежащего места разрешения правовых споров.

Тем не менее статья, предполагавшаяся к опубликованию в “Санди таймс”, была выдержана в умеренных выражениях, она не представляла доказательства односторонне и не настаивала на том, что существует лишь один возможный исход рассмотрения данного дела, к которому должен прийти суд. Хотя она подробно анализировала доказательства против “Дистиллерс”, она также суммировала доводы в защиту компании и заканчивалась такими словами: “Похоже, в данном деле нет ясных ответов...” По мнению Суда, воздействие такой статьи, если бы она была опубликована, менялось бы поэтому от одного читателя к другому. Соответственно, даже в той мере, в какой данная статья могла бы вызвать появление у некоторых читателей мнения по вопросу о виновности, это не имело бы отрицательных последствий для “авторитета правосудия”, особенно учитывая, как отмечалось выше, проходившую в то время общенациональную кампанию.

С другой стороны, публикация предполагавшейся статьи вполне могла бы вызвать отклики. Однако подобное в большей или меньшей степени справедливо в отношении любой публикации, которая касается фактических обстоятельств и правовых вопросов, рассматриваемых в данном процессе. Конвенция не намеревалась запретить публикации, посягающие на “авто-

ритет правосудия”. Более того, хотя конкретная причина судебного запрета может соответствовать основаниям статьи 10 п. 2, Суд не вправе вынести решение об этом без рассмотрения всех сопутствующих обстоятельств.

64. В момент первоначальной выдачи судебного запрета и в момент его восстановления дело о лекарстве “талидомид” перешло в стадию переговоров о мирном урегулировании. Заявители согласились с точкой зрения Апелляционного суда, что дело находится в “спящем состоянии”, а большинство Комиссии полагало судебное рассмотрение маловероятным. Напротив, для Правительства и меньшинства Комиссии такой суд представлялся реальным.

Для решения Суду нет необходимости точно оценить состояние дела на соответствующий период времени: предотвращение вмешательства в переговоры о мирном урегулировании по незавершенному судебному процессу является не менее правомерной целью в соответствии со статьей 10 п. 2, чем предотвращение вмешательства на стадии судебного процесса. То же самое применимо и к процедуре судебного утверждения достигнутого мирового соглашения (см. п. 9 выше). Следует, однако, иметь в виду, что переговоры носили очень длительный характер, продолжались в течение нескольких лет и что на тот самый момент, когда на публикацию статьи были наложены ограничения, дело не было передано в суд.

Возникает вопрос, почему в 1976 г. судебный запрет был отменен, причем со ссылкой на “принцип давления”, а не на принцип “предвосхищения судебного решения” (см. п. 35 выше), поскольку в то время еще не было завершено рассмотрение не только некоторых судебных дел, возбужденных родителями, но и спора между “Дистиллерс” и ее страховщиками, назначенного к слушанию (см. п. 16 выше). Отмена судебного запрета в подобных обстоятельствах подсказывает прежде всего вопрос: насколько необходим был такой запрет?

65. Правительство ответило, что требовалось найти равновесие между заинтересованностью государства в свободе слова и заинтересованностью государства в справедливом отправлении правосудия; Правительство подчеркнуло, что судебный запрет явился временной мерой, и сказало, что в 1976 г. было найдено новое равновесие, когда ситуация изменилась и чаша весов опустилась на другую сторону.

Сказанное подводит Суд к проблеме обстоятельств, сопутствовавших делу о талидомиде и выдаче судебного запрета.

Как отметил Суд в своем решении по делу Хэндисайда, свобода слова представляет собой одну из основных опор демократического общества; при соблюдении требований статьи 10 п. 2 она применима не только к “информации” или “идеям”, которые встречают благоприятный прием или рассматриваются как безобидные либо безразличные, но также и к таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государству или части населения (с. 23, п. 49).

Эти принципы особенно важны в том, что касается прессы. Они в равной мере применимы к сфере отправления правосудия, которая служит интересам общества в целом и требует сотрудничества просвещенной общественности. Существует общее признание того факта, что суды не могут действовать в вакууме. Хотя они и являются форумом для разрешения споров, это не означает, что предварительное обсуждение споров не может происходить где-то еще, будь то специальные журналы, широкая пресса или население. Средства массовой информации не должны преступать рамки, установленные в интересах надлежащего отправления правосудия, но

на них лежит также обязанность распространять информацию и идеи, касающиеся вопросов деятельности судов, точно так же, как это происходит в других сферах деятельности, представляющих общественный интерес. Этой функции средств массовой информации сопутствует право общественности получать информацию (см. *mutatis mutandis* решение по делу Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 23, с. 26, п. 52).

Для того чтобы оценить, основывается ли вмешательство, ставшее объектом жалобы, на “достаточных” причинах, сделавших его “необходимым в демократическом обществе”, следует принять во внимание такой аспект, как интерес к делу общественности. Суд отмечает в этой связи, что наряду с поиском равновесия между вступившими в конфликт интересами некоторые судьи — члены Палаты лордов — сформулировали абсолютное правило, согласно которому не разрешается предвосхищать решение вопросов, поставленных перед правосудием; это ведет к неопределенности права (см. п. 29, 32 и 33 выше). Подчеркивая, что высказываться по поводу толкования английского права, данного Палатой лордов, не входит в его функцию (см. *mutatis mutandis* решение по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. Серия А, т. 13, с. 40, п. 97), Суд указал, что он вынужден подойти к вопросу иначе. Суд стоит не перед лицом выбора между двумя конфликтующими принципами, а перед лицом принципа свободы слова, который является объектом ряда исключений, требующих в свою очередь ограничительного толкования (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 21, п. 42). Кроме того, контроль Суда на основании статьи 10 охватывает не только само право, но и решения по его применению (см. решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 49). Недостаточно, чтобы оспариваемое вмешательство принадлежало к категории исключений, указанных в перечне статьи 10 п. 2, недостаточно и то, что вмешательство произошло из-за того, что содержание статьи оказалось в сфере действия правовой нормы, сформулированной в слишком общих или абсолютных выражениях: Суд должен удостовериться, что вмешательство было необходимым с учетом фактов и обстоятельств, сложившихся вокруг рассматриваемого им дела.

66. Вне всякого сомнения, катастрофа, связанная с талидомидом, вызвала озабоченность общественности. Она ставила вопрос, несет ли могущественная компания, выпустившая лекарство на рынок, правовую либо моральную ответственность перед сотнями людей, переживших ужасную личную трагедию, или ее жертвы могут требовать или надеяться на возмещение только от общества в целом; ставились основополагающие проблемы, касающиеся защиты и компенсации за вред, вызываемый развитием науки; под вопросом оказались многие аспекты действовавшего законодательства по этим проблемам.

Как Суд уже отмечал, статья 10 гарантирует не только свободу прессы информировать общественность, но также и право общественности быть информированной должным образом (см. п. 65 выше).

В настоящем деле у семей многочисленных жертв трагедии, не знавших о связанных с делом юридических сложностях, имелся жизненно важный интерес ознакомиться со всеми лежащими в его основе обстоятельствами и различными путями возможного решения этих трудностей. Их можно было бы лишить этой информации, которая имела для них столь важное

значение, только если бы существовала абсолютная уверенность в том, что ее распространение представляет угрозу для “авторитета правосудия”.

Призванный взвешивать вовлеченные в дело интересы и оценивать их сравнительную значимость, настоящий Суд отмечает следующее: в сентябре 1972 г. дело представляло собой, по словам заявителей, “правовой кокон”, по крайней мере на протяжении нескольких лет, и было не ясно, когда поданные родителями иски будут слушаться в суде. Не проводилось также и общественного расследования (см. п. 14 выше).

Правительство и большинство Комиссии указывают, что не существовало запрета на обсуждение “более широких проблем”, таких, как принципиальный подход английского права к понятию небрежности, и действительно верно, что в различных кругах состоялась широкая дискуссия об этом, особенно после, но также и до первоначального решения отделения Высокого Суда (см. п. 11, 12 и 14 выше). Однако Суд считает деление на вопрос о “небрежности” в конкретном деле и “более широкие проблемы” довольно искусственным. Вопрос о том, на ком лежит ответственность за такого рода трагедию, также представляет общественный интерес.

Верно, что, если бы статья в “Санди таймс” появилась в намеченное время, компания “Дистиллерс” была бы вынуждена представить свои доводы, касающиеся фактической стороны дела, публично и до судебного разбирательства (см. п. 63 выше); однако факты не перестают вызывать общественный интерес только потому, что они лежат в основе незавершенного судебного разбирательства. Предав огласке некоторые факты, статья могла бы послужить своего рода тормозом для развертывания спекулятивной и непросвещенной дискуссии.

67. Принимая во внимание все обстоятельства данного дела и основываясь на подходе, описанном в п. 65 выше, Суд пришел к выводу, что обжалуемое вмешательство не соответствует достаточно неотложной социальной потребности, которая перевешивала бы заинтересованность общественности в осуществлении свободы слова в смысле Конвенции. Соответственно, Суд находит доводы в пользу наложенного на заявителей ограничения в соответствии со статьей 10 п. 2 недостаточными. Это ограничение оказалось несоизмеримым преследуемой правомерной цели; оно не являлось необходимым в демократическом обществе для поддержания авторитета правосудия.

68. Соответственно, имело место нарушение статьи 10.

II. О статье 14

69. Заявители утверждают, что они стали жертвой нарушения статьи 10 в сочетании со статьей 14, которая предусматривает:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам”.

Они полагают, что эти нарушения возникли по причине:

— аналогичные публикации в прессе не были подвергнуты ограничениям, схожим с теми, которым были подвергнуты публикации и деятельность заявителей;

— различия между парламентскими правилами комментирования судебных дел и нормами о неуважении к суду, применяемыми к прессе.

С точки зрения Правительства и Комиссии, в данном деле не было нарушения статьи 14 в сочетании со статьей 10.

70. Согласно сложившейся практике Суда статья 14 защищает индивида или группу людей, оказавшихся в схожей ситуации, от всякой дискриминации в пользовании правами и свободами, изложенными в нормативных положениях Конвенции и Протоколов к ней (см. вышеупомянутое решение по делу “О языках в Бельгии” от 23 июля 1968 г., с. 34, п. 10; решение по делу Национального профсоюза полиции Бельгии от 27 октября 1975 г. Серия А, т. 19, с. 19, п. 44).

71. То обстоятельство, что не было предпринято каких-либо шагов против других газет, например “Дейли мейл”, не является достаточным доказательством того, что судебный запрет в адрес “Таймс ньюспейперс лтд.” представляет собой дискриминацию, противоречащую статье 14.

72. Относительно действующих в Парламенте правил (см. п. 20 выше) Суд отмечает, что члены Апелляционного суда указывали на нежелательность и, возможно, даже опасность существования значительного расхождения в отношении рассмотрения вопросов *sub judice* между практикой Парламента, дебаты в котором публикуются, и практикой судов. Тем не менее Суд придерживается мнения, что прессу и парламентариев нельзя рассматривать в качестве лиц, “находящихся в схожей ситуации”, т. к. их соответствующие “обязанности и ответственность” существенно отличаются. Более того, дебаты в Парламенте от 29 ноября 1972 г. (см. п. 13 выше) не охватывали точно тот же круг вопросов, что и предполагавшаяся статья в “Санди таймс”.

73. Таким образом, нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 10 не имело место.

III. О статье 18

74. Перед Комиссией заявители дополнительно выдвинули претензию, основывающуюся на статье 18, которая предусматривает:

“Ограничения, допускаемые по настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они были предусмотрены”.

Однако они не настаивали на этом перед судом в своем меморандуме от 10 февраля 1978 г. Мнение по этому вопросу Комиссии состоит в том, что нарушения статьи 18 в сочетании со статьей 10 не было.

Ни Правительство, ни Комиссия не затрагивали этот вопрос во время слушаний, хотя последняя ссылаясь на него, передавая дело в Суд.

75. Суд отмечает позицию, занятую заявителями, и, учитывая обстоятельства дела, не считает нужным рассматривать этот вопрос.

IV. О статье 50

76. Согласно статье 50 Конвенции, если Суд установит, “что решение или мера, принятые” какими-либо властями Договаривающегося Государства, “полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право” упомянутого [государства] “допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры”, то решением Суда, “если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Регламент уточняет, что, когда Суд “устанавливает нарушение Конвенции, он должен в том же судебном решении принять постановление о применении статьи 50 Конвенции, если этот вопрос, после того как он был поставлен в соответствии со статьей 47 bis, готов для решения; если вопрос не готов для решения, [Суд] должен отложить его полностью или частично и установить дальнейшую процедуру” (первое предложение статьи 50 п. 3 в сочетании со статьей 48 п. 3).

77. В своем меморандуме от 10 февраля 1978 г. заявители просили Суд о выплате им суммы, эквивалентной издержкам и расходам, которые они понесли в связи с процессами в английских судах и разбирательством дела в Комиссии и Суде. Однако заявители не конкретизировали своего требования, а во время слушаний 24 апреля 1978 г. их адвокат заявил, что они надеются, что сумма ущерба, который они понесли, может быть согласована, “не докучая этим Суду”.

Во время продолжения слушаний на следующий день Суд, в соответствии с правилом 47 bis, предложил Правительству представить свои замечания по вопросу о применении статьи 50 в данном случае. В заключительном письменном представлении Генерального атторнея говорилось, что Суду не придется рассматривать данный вопрос.

78. Суд принимает к сведению, что заявители ограничили свои требования вышеуказанными издержками и расходами, но не указали их сумму на настоящий момент. В таких обстоятельствах вопрос о применении статьи 50 Конвенции не готов для решения; поэтому Суд должен отложить вопрос и определить дальнейшую процедуру, принимая во внимание возможность, предусмотренную статьей 50 п. 5 Регламента Суда.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* одиннадцатью голосами против девяти, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 10 места не имело;

3. *Постановил* единогласно, что рассматривать вопрос о нарушении статьи 18 нет необходимости;

4. *Постановил* единогласно, что вопрос о применении статьи 50 не готов для решения;

соответственно,

(a) *отложил* указанный вопрос целиком;

(b) *предложил* представшим перед Судом сторонам уведомить его в течение трех месяцев со времени вынесения настоящего решения о любом урегулировании, к которому могли прийти Правительство и заявители;

(c) *откладывает* решение вопроса о дальнейшей процедуре по этому вопросу.

Совершено на английском и французском языках, причем английский текст является аутентичным, и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 26 апреля 1979 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Джорджио Балладоре Пальери
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 50 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
ВИАРДА, КРЕМОНЫ, ТОРА ВИЛЬЯЛМСОНА, РИССДАЛА,
ГАНСГОФА ВАН ДЕР МЕЕРША, СЭРА ДЖЕРАЛЬДА
ФИЦМОРИСА, БИНДШЕДЛЕР-РОБЕРТ, ЛИША
И МАТШЕРА**

1. Мы сожалеем, что не можем разделить мнение большинства наших коллег, посчитавших, что оспариваемое вмешательство в осуществление свободы слова противоречит Конвенции, потому что его нельзя считать необходимым в демократическом обществе для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия в смысле статьи 10 п. 2 Конвенции.

2. Палата лордов воспрепятствовала публикации проекта статьи, о которой идет речь, т. к. она считала, что, опубликовав эту статью, “Санди таймс” окажется виновной в “неуважении к суду”.

Следует отметить, что, имея в виду именно этот институт, свойственный странам общего права, в Конвенцию было введено ограничение свободы слова, направленное на поддержание авторитета и беспристрастности правосудия. Аналогичное ограничение неизвестно законодательству большинства государств-участников; оно отсутствовало в первоначальном тексте проекта Конвенции и было включено в него по предложению британской делегации.

Мы хотели бы напомнить, что, как признают и большинство Суда и меньшинство Комиссии, общая цель норм о неуважении к суду — обеспечить надлежащее отправление правосудия.

Эти нормы предусматривают, среди прочего, возможность запретить или наказать такое поведение, особенно прессы, которое является вмешательством в правосудие, в то время как дело находится *sub judice*.

Какие бы различия во мнениях ни существовали относительно предосудительного характера той или иной публикации, неоднократно утверждалось, что должна существовать возможность запрета таких публикаций, которые грозят вызвать то, что называется “газетным судом” (см., например, речи лорда Рейда, лорда Морриса, лорда Диплока и лорда Кросса в Палате лордов, п. 29, 30, 31 и 33 решения Суда по настоящему делу; решение судьи лорда Деннинга в Апелляционном суде, п. 25 решения Суда по настоящему делу; п. 110 доклада Филлимора и п. 11 Зеленой книги).

Институт неуважения к суду направлен на то, чтобы в отношении спора *sub judice* общественное мнение, пренебрегая гарантиями судебной процедуры, не определяло бы заранее исход спора, вследствие чего создается общественный климат, способный нанести ущерб надлежащему отправлению правосудия. С другой стороны, цель института неуважения к суду не в том, чтобы поставить судопроизводство вне всякой критики. Поэтому вряд ли было необходимо заявлять в этой связи, как это сделано в судебном решении, что “суды не могут действовать в вакууме” (см. п. 65 судебного решения). Никто никогда и не думал ставить это под сомнение.

Вышесказанное должно быть принято во внимание при толковании и применении ограничения, налагаемого на свободу слова в целях поддержания “авторитета и беспристрастности правосудия”, в смысле статьи 10 п. 2.

3. Судьи Палаты лордов привели разнообразные причины, почему они считали нужным запретить публикацию статьи. Для большинства лордов-судей основными причинами были, по нашему мнению, следующие:

— предполагаемая статья вносила в развернутую в прессе кампанию вокруг талидомида множество фактов относительно виновной в небрежности “Дистиллерс” при разработке, распространении и использовании талидомида;

— статья делала это таким образом, что из информации складывалась картина, создававшая отчетливое представление о небрежности “Дистиллерс”;

— отсюда следует, что благодаря публикации намеченной статьи вопрос о небрежности, который являлся ключевым для исхода предстоящего рассмотрения в суде спора между родителями дефектных детей и “Дистиллерс”, оказывался предрешен прессой, хотя правосудие еще не вынесло своего вердикта в установленной законом судебной процедуре, гарантирующей сторонам их процессуальные права;

— “решение” дела прессой неизбежно спровоцировало бы ответ сторон по делу и было чревато риском “газетного разбирательства”, что несовместимо с надлежащим отправлением правосудия;

— на суде лежит долг оградить стороны от вреда, наносимого им этой ситуацией и необходимостью самим участвовать в досудебной полемике.

Указанные основания полностью совместимы с целью той гарантии надлежащего отправления правосудия, которая выражена в Конвенции при помощи понятия “авторитет и беспристрастность правосудия”.

Следует принять к сведению, что в той мере, в какой данные основания касаются защиты интересов сторон по делу, они находятся в соответствии с целью “защиты прав других лиц”, которая также предусмотрена в статье 10 п. 2.

4. Различие во мнении, отделяющее нас от наших коллег, касается прежде всего необходимости вмешательства и сферы усмотрения, которая предоставляется в этой связи национальным властям.

5. Было ли необходимо воспрепятствовать публикации оспариваемой статьи и других статей такого рода для того, чтобы гарантировать надлежащее отправление правосудия? Из речей, звучавших в Палате лордов, можно увидеть, что лорды-судьи задавали себе этот же вопрос, говоря о неуважении к суду. Так, лорд Рейд заявил ([1974]) А. С. 294): “[Институт неуважения к суду] служит для того, чтобы предотвратить вмешательство в отправление правосудия, и он должен, по моему разумению, ограничиваться тем, что является разумно необходимым для достижения такой цели”. Аналогично лорд Кросс из Челси заметил следующее (там же, 322): “Если предполагаемое неуважение к суду заключается в публичном или частном высказывании мнений, относящихся к судебным разбирательствам по делам гражданского или уголовного характера, то этот институт представляет собой вмешательство в осуществление свободы слова, и я согласен с моим благородным ученым другом [лордом Рейдом], что нужно внимательно следить за тем, чтобы нормы, касающиеся неуважения к суду, не препятствовали пользованию свободой слова более, чем то разумно необходимо для того, чтобы обеспечить отсутствие вмешательства в отправление правосудия”.

6. Когда Палата лордов решала вопрос о необходимости запрета, речь шла о применении национального права. С другой стороны, когда наш Суд рассматривает этот вопрос, он делает это, ссылаясь на статью 10 Конвенции, которая преследует две цели, имеющие отношение к настоящему случаю: “свобода слова”, гарантируемая в качестве основополагающего принципа организации демократического общества, и “авторитет и беспристрастность правосудия”, гарантируемые в той мере, в какой их поддержание оказывается необходимым в таком обществе. Суд должен учитывать эти две цели в связи с принципом соразмерности.

Для того чтобы определить, нужно ли было в данных обстоятельствах ограничить свободу слова, гарантированную в статье 10 п. 1 Конвенции, в интересах правосудия, указанных в п. 2 этой же статьи, необходимо взвесить, с одной стороны, последствия для свободы печати запрета публикации, о которой идет речь, и аналогичных ей публикаций, а с другой стороны, ущерб, который данные публикации могли бы нанести интересам надлежащего отправления правосудия по делам, рассматривавшимся в тот период времени. В контексте статьи 10 это означает, что нужно найти баланс между осуществлением прессой права, гарантированного ей п. 1, и необходимостью в соответствии с п. 2 ограничить реализацию этого права, чтобы обеспечить “авторитет и беспристрастность правосудия” (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 28, п. 59 *in fine*). Конечно, нет необходимости напоминать о той важной роли, которую в Англии играет судебная власть в деле защиты основных прав и свобод.

7. Суд уже имел возможность, особенно в судебном решении по делу Хэндисайда от 7 декабря 1976 г., изложить правильный подход к толкованию и применению выражения “необходимо в демократическом обществе” в смысле статьи 10 п. 2 и указать, в чем состоят его обязанности, когда он сталкивается с вопросами толкования или применения данной статьи, и каким образом он собирается выполнять эти обязанности.

Суд заявил в этом решении, что именно национальные власти проводят первоначальную оценку реальной неотложной социальной потребности, наличие которой подразумевает использование понятия “необходимо в демократическом обществе”. Статья 10 п. 2 предоставляет в распоряжение государств — участников Конвенции сферу усмотрения, которой “пользуются как внутренний законодатель... так и государственные органы, среди них и судебные, которые призваны толковать и применять действующие законы” (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 48).

Сфера усмотрения предполагает определенную самостоятельность и прилагается главным образом к оценке степени опасности, которую конкретный случай осуществления свободы, обеспечиваемой статьей 10 п. 1, влечет для интересов, перечисленных в статье 10 п. 2, и набор мер, направленных на то, чтобы избежать такой опасности (см. вышеупомянутое решение по делу *Класс и другие*, с. 23 п. 49). При такой оценке, которая должна производиться разумно и тщательно основываться на фактах и ситуации в данной стране, а также на вероятном ее развитии, национальные власти в принципе более компетентны, чем международный суд.

8. Вместе с тем статья 10 п. 2 не наделяет государств-участников неограниченной свободой усмотрения. Суду и Комиссии поручено обеспечить соблюдение этими государствами принятых на себя обязательств (статья 19).

Суд компетентен решать вопрос о совместимости “ограничений” или “санкций” со свободой слова в том виде, как она охраняется статьей 10. Таким образом, внутренняя сфера усмотрения сопровождается европейским контролем (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 49). Этот контроль призван в первую очередь установить, действовали ли национальные власти добросовестно, тщательно и разумно при оценке фактов и обстоятельств, а также той опасности, которая могла бы возникнуть для интересов, перечисленных в п. 2 статьи 10; он далее должен следить за тем, чтобы в обществе, которое хочет остаться демократическим, меры по ограничению свободы слова оставались соразмерными преследуемой правомерной цели (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 49; и решение по делу *Класс и другие*, с. 23, п. 49). Мы бы хотели напомнить, что не может быть демократического общества, если “плюрализм, толерантность и либерализм” (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 49) не находят в нем эффективных способов выражения в системе государственных институтов и если эта система не строится на началах господства права, не предусматривает эффективного контроля за действиями исполнительной власти со стороны органов правосудия без ущерба для парламентского контроля (см. вышеупомянутое решение по делу *Класс и другие*, с. 25—26, п. 55) и не обеспечивает уважения человеческой личности.

Соответственно, хотя подмена компетентных национальных судов в его задачу не входит, настоящий Суд на основании толкуемой таким образом статьи 10 должен рассматривать в порядке контроля решения, вынесенные этими судами при осуществлении их дискреционных полномочий (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 50).

9. В деле Хэндисайда, касавшемся публикации, запрет которой национальные суды посчитали необходимым “для охраны нравственности”, Суд счел, что компетентные внутренние суды в соответствующий период времени “были вправе полагать”, что указанная публикация могла бы оказать пагубное воздействие на нравственное здоровье тех детей и подростков, которые бы ее прочли.

В данном случае Суд обязан рассмотреть вопрос, была ли Палата лордов “вправе полагать”, что публикация статьи, о которой идет речь, оказала бы в соответствующий период времени негативное воздействие на отправление правосудия в отношении незавершенного судебного разбирательства по данным искам.

Для большинства наших коллег сфера усмотрения национальных властей по вопросам, касающимся поддержания авторитета правосудия, должна быть уже, чем сфера усмотрения, которая согласно судебному решению по делу Хэндисайда должна быть оставлена им в отношении охраны нравственности. Наши коллеги утверждают, что понятие “авторитет правосудия” является гораздо более объективным, чем понятие “нравственность”, и что внутреннее законодательство и практика Договаривающихся Государств обнаруживают значительно больше общего в отношении первого понятия и что данное общее основание находит отражение в целом ряде статей Конвенции, включая статью 6 (см. п. 59 решения).

Мы не можем разделить эту точку зрения.

Хотя значительно более широкая степень общности между Договаривающимися Государствами в отношении содержания статьи 6, может быть, даже и существует, тем не менее остается фактом, что институты и про-

цедура судопроизводства могут существенно меняться от одной страны к другой. Таким образом, вопреки тому, что считает большинство Суда, понятие авторитета правосудия ни в коей мере не отделено от национальных особенностей и не может быть определено как единообразное. Более того, следует отметить, что настоящий случай не затрагивает вопросов, регулируемых статьей 6, а выясняет, могла или нет публикация о споре *sub judice* помешать надлежащему отправлению правосудия. Надлежащее отправление правосудия зависит, помимо того, что упомянуто в статье 6, от соблюдения других процессуальных норм и от удовлетворительного функционирования судебных учреждений.

Вышеприведенные рассуждения сохраняют свое значение в отношении действий или ситуаций, способных нанести ущерб должному функционированию правосудия, оценить которые можно лишь в национальном контексте на данный период времени. Таким образом, национальные власти призваны осуществлять первоначальную оценку опасности, угрожающей авторитету правосудия, и судить о том, какие ограничительные меры будут необходимы для борьбы с этой опасностью. Соответствующие ограничения могут варьироваться в зависимости от особенностей правовой системы и традиций данной страны. В пределах, совместимых с требованиями, предъявляемыми к демократическому обществу, заинтересованное государство свободно само определять, какие методы будут наиболее подходящими для поддержания авторитета правосудия (см. *mutatis mutandis* решение от 23 июля 1968 г. по существу дела “О языках в Бельгии”, Серия А, т. 6, с. 34—35).

10. В Соединенном Королевстве “неуважение к суду” служит одним из инструментов, обеспечивающих надлежащее функционирование судов. Как уже говорилось выше, авторы Конвенции имели в виду именно этот институт, когда они вводили понятие “обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия” (см. п. 2 выше).

Задача обеспечить соблюдение норм о неуважении к суду выпала на долю национальных судов. В этом отношении нам представляется бесспорным, что Палата лордов более компетентна, чем наш Суд, в решении вопроса о том, соответствовало ли данное ограничение свободы слова интересам поддержания авторитета правосудия в Соединенном Королевстве, было ли оно необходимо в демократическом обществе в конкретных обстоятельствах, которые надлежит оценивать Палате лордов.

Это не следует понимать в том смысле, что всякое ограничение свободы слова, которое внутренний суд признал необходимым для обеспечения уважения к суду, должно в обязательном порядке рассматриваться как необходимое в соответствии с Конвенцией.

Оценка внутренними судами вредных последствий, которые конкретная публикация могла бы иметь для надлежащего отправления правосудия в Соединенном Королевстве, должна в принципе уважаться; тем не менее не исключена вероятность, что принятые меры выйдут за границы того, что рассматривается как “необходимое в демократическом обществе” в смысле статьи 10 п. 2 (см. п. 7 выше). Суд, осуществляя контроль, должен уделить особое внимание этой ситуации.

11. Как явствует из фактов, изложенных в п. 11—14 судебного решения, запрещенный проект статьи был одним из многочисленных репортажей о трагедии, публиковавшихся через разные промежутки времени начиная с 1967 г. “Санди таймс” и другими газетами. Эти репортажи были предназначены отчасти для того, чтобы информировать общественность, а отчасти, по

крайней мере в том, что касалось “Санди таймс”, чтобы оказать давление на “Дистиллерс” и улучшить предлагаемые ими условия компенсации пострадавшим.

Хотя в соответствующее время целый ряд исков о возмещение вреда, предъявленных “Дистиллерс” родителями, ждал рассмотрения в суде, кампания в прессе не вызвала какой-либо реакции, требующей вмешательства суда. Единственный запрет был издан в отношении указанной статьи — предмета настоящего разбирательства, — проект которой был передан газетой “Санди таймс” Генеральному атторнею с целью убедиться, что ее публикация не будет актом неуважения к суду. По мнению Палаты лордов — суда последней инстанции, запрет был вызван весьма специфическим характером данной статьи в отличие от более ранних репортажей. По мнению лордов-судей, ее особый характер состоял в том, что статья содержала множество ранее не публиковавшихся фактов, касавшихся вопроса о виновности “Дистиллерс”. В статье делалась попытка пересмотреть имеющиеся доказательства, и сделано это было таким образом, что создавалось впечатление, что “Дистиллерс” проявила небрежность. Таким образом, публикация данной статьи как бы “предвосхищала” решение по данному, ключевому вопросу спора *sub judice*. Такое “предвосхищение” неизбежно вызвало бы ответ со стороны “Дистиллерс” и привело к “газетному суду”, что помешало бы нормальному течению предстоящего судебного процесса.

По мнению некоторых лордов-судей, статья представляла бы собой акт неуважения к суду также и потому, что она оказывала давление на компанию “Дистиллерс” с целью убедить ее мирно урегулировать дело и не полагаться на использование судебных средств защиты. Некоторые лорды полагали, что в период, когда дело ждет рассмотрения в суде, вызывает возражения любое “предвосхищение решения” независимо от конкретного ущерба, который оно действительно может вызвать. Мы не считаем необходимым рассматривать все эти основания, т. к., с нашей точки зрения, они, по-видимому, не играли определяющей роли для решения суда. В данном случае публикация, о которой идет речь, специально рассматривала фактические обстоятельства, существенные для обвинения в небрежности, и доказательства, приводимые в поддержку этих утверждений. Именно публикации подобного рода создают риск, которого Палата лордов своим решением хотела избежать.

Вот почему мы полагаем, что Палата лордов, оценив все указанные факторы, “имела основания считать”, что публикация статьи отразилась бы на судебном процессе и это могло бы нанести ущерб надлежащему отправлению правосудия и авторитету суда. Национальный судья, конечно, находится в лучшем положении, чем настоящий Суд, чтобы определить, будет ли публикация о предмете судебного разбирательства “преждевременным решением” и повлечет ли она риск “газетного процесса”.

12. Заявители утверждали в Суде, что судебные дела, возбужденные родителями против “Дистиллерс”, были в рассматриваемый период “спящими”. В своем докладе Европейская Комиссия по правам человека посчитала маловероятным, что, во-первых, огромное количество дел, по поводу которых тогда шли переговоры, завершилось бы судебным решением, а во-вторых, по делам, в которых родители по принципиальным соображениям не желали идти на мировое соглашение, в обозримом будущем будут приняты судебные решения.

Оценка состояния судебных дел, о которых идет речь, зависит от того, что можно ожидать от переговоров о мирном урегулировании, на которое некоторые родители согласны, и эти дела будут прекращены производством, тогда как другие будут продолжены. Другими словами, от того, каковы более или менее ближайшие перспективы либо мирного урегулирования, либо вынесения судебного решения.

Для подобной оценки, которая охватывает значительное число современных событиям фактов и процессуальных моментов, национальный судья находится, в принципе, в более благоприятном положении, чем настоящий Суд (см. вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 22, п. 48). С нашей точки зрения, Палата лордов “имела основания полагать”, что в имевшихся обстоятельствах соответствующие дела не могли рассматриваться как “спящие”.

13. Изложенные выше соображения подводят нас к выводу, что оценка национальными судами риска, что указанная статья может помешать надлежащему отправлению правосудия, а также их оценка необходимости запретительной меры, принятая в контексте внутреннего права, должна рассматриваться как разумная.

Как уже отмечалось (см. п. 8 и 10 выше), тем не менее именно настоящему Суду предстоит определить, был ли судебный запрет этой публикации соразмерен преследуемой законной цели и может ли он считаться необходимым в демократическом обществе для поддержания авторитета и беспристрастности правосудия в смысле статьи 10 п. 2.

Для этого Суд должен принять во внимание не только интересы правосудия, которые, как это видно из решений национальных судов, обусловили необходимость запрета, но также и последствия данной меры для свободы печати, которая гарантируется настоящей Конвенцией как одна из главных опор “демократического общества” и существенное условие для прогресса и развития общества (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Хэндисайда, с. 23, п. 40).

Запрещенная статья говорила о трагедии, в высшей степени затрагивающей общий интерес. Как справедливо указала Комиссия, в подобной ситуации объективная оценка небрежности приобретает публичный интерес: анализ того, на ком лежит ответственность, и процесс информирования общественности, без сомнения, являются законными функциями прессы.

Однако нельзя упускать из виду, что ограничение свободы печати решением Палаты лордов не равносильно общему запрету на обсуждение трагедии, вызванной талидомидом. Запрет носил ограниченный характер как по предмету, так и по сроку действия.

14. “Санди таймс” было запрещено публиковать статьи, которые “предвосхищали судебное решение” по вопросу о небрежности или оценивали фактические доказательства, ставшие основой исков.

Свобода публиковать другую информацию или выносить суждения по иным аспектам дела осталась нетронутой, собственно, ничто не мешало “Санди таймс” продолжать свои публикации, воздерживаясь при этом от какого-либо “предвосхищения судебного решения” или рассмотрения соответствующих доказательств. Это, в частности, относилось как к критике английских норм об ответственности производителей продукции, так и к оценке моральной стороны дела. Поэтому трудно, по-видимому, поддер-

жать точку зрения, высказанную в настоящем решении, что это ограничение носило искусственный характер (см. п. 66 судебного решения).

Более того, содержащееся в настоящем решении предположение, что публикация статьи “Санди таймс” была нужна как единственный способ, благодаря которому семьи пострадавших могли получить необходимую информацию, представляется нам неверным, т. к. они пользовались советами юридической фирмы, которой была хорошо известна большая часть существенных обстоятельств дела. Есть веские основания полагать, что сама “Санди таймс” получила информацию от этих юристов (см. п. 16 судебного решения).

15. Относительно длительности запрета следует отметить, что единственной целью его выдачи было добиться того, чтобы на протяжении определенного периода времени преждевременные публикации не нанесли вреда надлежащему отправлению правосудия по этому специфическому судебному спору. По мнению Палаты лордов, необходимость запретить публикацию статьи была обусловлена состоянием незавершенного судебного разбирательства по этим делам на момент запрета. Лорды предвидели, что ситуация, вероятно, изменится даже до того, как судебный процесс полностью завершится, что баланс между интересами правосудия и свободой печати, возможно, изменится и судебный запрет может быть отменен.

В этой связи поучительным является заявление лорда Рейда ([1974] А. С. 301): “Цель норм о неуважении к суду не в том, чтобы предотвратить публикацию таких материалов, а в том, чтобы ее отложить. Представленная нам информация дает основания надеяться, что скоро может появиться общая схема урегулирования споров вокруг этого несчастья. Тогда можно будет позволить публикацию таких материалов. Но если бы дело тянулось неизвестно сколько, так что не было бы никаких близких перспектив мирового соглашения либо слушания дела в суде, тогда, я думаю, было бы уместно пересмотреть данную оценку общественного интереса применительно к такой уникальной ситуации”. Следует принять к сведению замечание, которое сделал лорд Кросс из Челси (там же 325), “ничто не мешает ответчикам [“Санди таймс”] обратиться с ходатайством об отмене [судебного запрета], если они считают, что в свете существующих фактов им удастся убедить суд, что для продления его действия больше нет оснований”.

Из представленных доказательств не видно, чтобы “Санди таймс” обращалась с подобным ходатайством до того, как запрет был отменен по просьбе Генерального атторнея на том основании, что общественный интерес более не требовал его сохранения. И действительно, ситуация вокруг дела о талидомиде к тому времени изменилась. После утверждения мирового соглашения между большинством родителей и компанией “Дистиллерс” судебный запрет продолжал действовать только в отношении нескольких сохранившихся дел, но по прошествии некоторого времени стало ясно, что производство по этим делам активно вестись далее не будет.

У нас нет достаточных оснований полагать, что ситуация оправдывала более раннюю отмену судебного запрета. Как уже указывалось, похоже, что такого решения не стремились добиться и сами заявители.

16. В свете изложенных выше соображений мы делаем вывод, что вмешательство в осуществление свободы печати, которое в данном случае национальные суды сочли необходимым санкционировать в соответствии с нормами о неуважении к суду и в интересах отправления правосудия, не вышло за пределы того, что считается необходимым в демократическом обще-

стве для обеспечения “авторитета и беспристрастности правосудия” в смысле статьи 10 п. 2.

Основываясь на поступивших в Суд материалах, мы не считаем нарушение требований статьи 10 установленным.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗЕКИА

Первая часть

При толковании и применении статьи 10 п. 1 и 2 Конвенции относительно предполагавшейся публикации статьи “Санди таймс” о плачевной участи жертв талидомида необходимо сделать упор на цель и объем гарантий, предоставляемых соответствующими статьями Конвенции.

Мы имеем полный отчет обо всех обстоятельствах дела. Представлены соответствующие документы. Указаны соответствующие нормативные и судебные решения. Точки зрения участвующих в деле сторон исчерпывающим образом изложены в меморандумах и контрмеморандумах, представленных в ходе разбирательства и во время слушаний. Суд имел все возможности для полного ознакомления с материалами дела, прежде чем он приступил к выполнению своей задачи.

В соответствии со статьей 10 спорными проблемами, по которым требуется вынести решение, являются две. Я предлагаю сформулировать их в виде двух вопросов.

Вопрос № 1

Укладывалось ли ограничение, наложенное судебным запретом на право свободно опубликовать статью в “Санди таймс”, в понятие “предусмотрено законом” согласно целям и задачам Конвенции в общем и статьи 10 в частности?

Вопрос № 2

Было ли такое ограничение “необходимо в демократическом обществе”, как того требует статья 10 п. 2, для поддержания авторитета и беспристрастности правосудия и/или защиты репутации и прав других лиц?

Утвердительный ответ на вопрос № 1 является неременным условием для возможности аналогичного ответа на вопрос № 2.

Мой ответ на вопрос № 1 отрицательный. Я постараюсь изложить мои мотивы по возможности кратко:

(1) Статья 1 Конвенции гласит: “Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции”. В п. 1 статьи 10 раздела I говорится: “Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ...”

При установлении смысла, объема и предмета ограничений, вводимых на основании закона, о которых говорится в п. 2 той же статьи 10, нельзя терять из виду то обстоятельство, что право на свободу слова, предоставленное каждому человеку, должно разумно обеспечиваться, использоваться или осуществляться. Оба пункта взаимосвязаны. Всякое ограничение, затрагивающее осуществление права на свободу слова, должно быть разумно ожидаемо или предсказуемо. Вы не можете пользоваться или осуществлять право на свободу слова, если пользование таким правом ставится в зависимость от закона, принципа или нормы, изобилующих неопределенностями. Это было бы равнозначно неподобающему ограничению и даже отрицанию свободы слова как таковой. Поэтому я стою на той точке зрения, что выражение “предусмотрено законом” означает наличие такой нормы, которая налагает ограничения, поддающиеся разумному распознаванию. Она может быть законодательной или четко выраженной общим правом.

Я согласен с заявителями в том, что нормы общего права о неуважении к суду, относящиеся к публикациям о незавершенных гражданских делах, не соответствуют формуле “предусмотрено законом” в рамках и целях статьи 10 п. 1 и 2 Конвенции. Я отмечаю, что Комиссия в своем докладе просто исходила из предположения, что ограничения, наложенные на заявителей, были установлены законом и что сомнения по поводу этого предположения прозвучали лишь в выступлении главного представителя Комиссии во время слушаний.

(2) Будет или нет конкретная публикация в прессе или других средствах информации рассматриваться как неуважение к суду в связи с незавершенным судебным разбирательством по гражданскому делу, зависит от применяемых критериев или оценок. Существует целый ряд такого рода критериев. Нет какой-либо устоявшейся или единообразной практики в том, какие критерии должны быть приняты в каждом конкретном случае, а результат может отличаться в зависимости от того, какой из них применен.

(3) Критерии, используемые в целях применения норм о неуважении к суду против публикаций в прессе, настолько разнообразны и субъективны по своей природе, что очень трудно предвидеть в каждом конкретном случае, что может быть применено и с какими результатами.

Разительный пример неопределенности и неудовлетворительного состояния норм о неуважении к суду применительно к гражданским делам можно найти в противоречивых мнениях, высказанных лордами-судьями по поводу статьи в “Санди таймс” о трагедии с талидомидом.

Согласно лордам Диплоку и Симону, правонарушение “неуважение к суду” имело место, тогда как лорды Рейд и Кросс полагают, что, напротив, его не было.

Спорные правовые моменты могут возникать при толковании как законодательного текста, так и норм общего права. Но ситуация будет уже другой, когда мы имеем дело с институтом общего права — неуважением к суду, который еще не настолько устоялся, чтобы его можно было разумно рассматривать как сформировавшуюся часть общего права. Имеется ряд принципов, относящихся к данному правовому институту. Эти принципы могут оказаться полезными при толковании действующего права, но они не заменяют норм, которые окончательно не промульжированы в общем праве. Но я очень сильно сомневаюсь, что одну лишь совокупность принципов можно было бы рассматривать как нечто эквивалентное закону.

(4) Видные судьи, пользующиеся большим уважением в Англии, описывают тот институт общего права о неуважении к суду как неопределенный, непоследовательный и сильно страдающий от недостатка четкости. Лорд Рейд в решении Палаты лордов по настоящему делу заявил (см. с. 294): “Я не могу не согласиться с утверждением доклада “Право и пресса” (1965 г.) неправительственной организации “Справедливость”, что основной целью действующих норм о неуважении к суду является сохранение неопределенности”.

Лорд Деннинг, председатель Апелляционного суда, выступая перед Комитетом Филлимора по вопросу о том, с какого момента гражданский спор, находящийся в ожидании судебного разбирательства, может влиять на возможность публикации в прессе, заявил: “Я полностью за то, чтобы вопрос получил разъяснение. В настоящее время пресса колеблется, не зная, должна ли она выступить с комментариями в общественных интересах. Причина в том, что они боятся сделать это из-за неопределенности в праве. Я думаю, что им следует знать, где они находятся”.

Когда лорда Салмона спросили, с какого момента должны вступать в действие нормы о неуважении к суду применительно к гражданским делам, он заявил (там же): “Никогда, потому что никакого неуважения быть не может. Я подчеркиваю — никогда. Естественно, никогда, когда дело рассматривается единолично судьей. Я думаю, что нормы о диффамации охватывают все, что только может быть сказано по гражданскому делу, а если какой-либо судья будет находиться под впечатлением того, что говорят или пишут, то он не годится в судьи”.

В части V доклада Филлимора, где содержится резюме выводов и рекомендаций, на 92-й странице говорится: “(4) Действующее право содержит неопределенности, которые мешают свободе печати и ограничивают разумное пользование ею... (5) Одна из неопределенностей касается временных границ действия норм о неуважении к суду, с какой стадии судебного разбирательства они применимы к публикациям и до какого момента действуют в конкретном случае”.

На эти вопросы нельзя ответить с достаточной степенью четкости из-за отсутствия ясности в нормах о неуважении к суду.

(5) Правонарушение в виде неуважения к суду является уголовно наказуемым, т. е. влечет за собой тюремное заключение и штраф и/или внесение залога как гарантии хорошего поведения в будущем. Раз это так, то основополагающий принцип, который требует четкого и недвусмысленного определения правонарушения или преступления, применим также и к рассматриваемому правонарушению в виде неуважения к суду. Применяемая к делам о неуважении к суду процедура суммарного производства создает и другую сложность, а именно в какой мере эта процедура совместима со статьей 6 Конвенции.

(6) Право прессы на свободу слова, несомненно, является одной из основных характеристик демократического общества, и она незаменима для поддержания свободы и демократии в стране. В соответствии со статьей 1 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны взяли на себя обязательство обеспечить каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права, перечисленные в разделе I Конвенции, а о свободе прессы говорится именно в этом разделе. Осуществление этого права и пользование им не может быть разумно достигнуто или обеспечено, если этому препятствуют правовые нормы или принципы, которые непредсказуемы и не могут быть однозначно истолкованы даже квалифицированным юристом.

Принцип предвосхищения судебного решения, развиваемый Палатой лордов, в данном случае не снимает проблему, с которой мы сталкиваемся в силу статьи 10. Тому есть две причины:

(а) Даже если предположить, что Палата лордов зафиксировала этот институт, то датой, с которой следует определять, подпадает или нет этот институт общего права под действие формулы “предусмотрено законом”, является день, когда проект статьи в “Санди таймс” поступил на рассмотрение в отделение Высокого Суда, а не в Палату лордов. В устных пояснениях сторон во время слушаний дела в Суде делались ссылки на полномочия Палаты лордов как высшей судебной инстанции. По мнению заявителя, лорды-судьи своим решением по делу дали совершенно новое определение института неуважения к суду применительно к гражданским делам. Правительство-ответчик не согласилось с этим.

В задачу нашего Суда не входит дача ответа на вопрос: правомочна ли Палата лордов как высшая судебная инстанция страны изменять, дополнять, создавать или улучшать общее право, исходя из потребностей времени и обстоятельств?

За лордами-судьями не признается право “создавать право”, они лишь объявляют, что является правом. Однако адвокат заявителей в своем представлении говорит, что это — фикция и что Палата создала новый правовой институт.

Однако выяснение, изменила ли или дополнила Палата лордов своим судебным решением рассматриваемый нами институт общего права о неуважении к суду, вполне может стать нашим делом. Если судебное решение действительно дополнило или изменило нормы о неуважении к суду, то тогда вступает в дело статья 7 Конвенции. Лично я склоняюсь к точке зрения, высказанной заявителями, но я удовлетворюсь ссылкой на данный аспект дела как на еще один источник неопределенности в рассматриваемом институте неуважения к суду и не более того.

(b) Принцип предвосхищения судебного решения не дает прессе достаточно надежного ориентира для решения вопроса об опубликовании. Если понимать его как абсолютное правило, о чем говорил лорд Кросс, он препятствует появлению даже безобидных публикаций, где случайно затрагиваются вопросы и доказательства, фигурирующие в судебном процессе, чем исключается возможность ситуации, когда рассмотрение дела в суде уступает место суду в газетах или других средствах информации. Мне представляется, что это чрезмерно ограничительное абсолютное правило, которое трудно примирить со свободой прессы. В вопросах, вызывающих озабоченность общественности, таких как национальная трагедия талидомида, было бы очень непросто избежать того, чтобы так или иначе не коснуться проблем и доказательств, связанных с судебным процессом.

Разнообразие критериев, которые были применены в этом деле главным судьей отделения Высокого Суда Виджери, лордом Деннингом и его коллегами из Апелляционного суда, а также критерий, на который ссылалось большинство Палаты лордов, иллюстрируют неудовлетворительное и неустоявшееся состояние норм и принципов института неуважения к суду применительно к публикациям в прессе материалов о незавершенном судебном процессе по гражданским делам. Это особенно хорошо видно, когда публикации по вопросу, представляющему общественный интерес, добросовестны, факты и ход процесса в них не искажены и нет умысла на вмешательство или создание помех процессу отправления правосудия.

Вывод по вопросу № 1

С моей точки зрения, институт общего права о неуважении к суду, применительно к публикациям в прессе и других средствах информации в связи с незавершенным судебным разбирательством по гражданским делам, не сложился и отличался — по крайней мере на рассматриваемый период времени — неопределенностью, а его содержание не поддавалось определению даже при помощи квалифицированного юриста. Поэтому он не может быть достаточным в свете формулы “предусмотрено законом”, предопределяющей применение статьи 10 п. 1 и п. 2 Конвенции. Выражение “предусмотрены законом” в контексте данной статьи означает не просто “разрешены правом”, а подразумевает закон, который с разумной полнотой описывает условия наложения ограничений на осуществление прав и свобод, содержащихся в п. 1 статьи 10. Как мы уже говорили ранее, право на свободу прессы могло бы сильно пострадать, если бы сотрудники прессы, проявив разумную тщательность и опираясь на советы юриста, не смогли получить информацию и уяснить себе, какие риски и ловушки лежат на их пути из-за неопределенности норм института неуважения к суду.

Вторая часть

Вопрос № 2

Был ли судебный приказ, запретивший “Санди таймс” опубликовать указанный проект статьи, “необходим в демократическом обществе” для поддержания авторитета и беспристрастности правосудия и/или защиты прав других лиц?

Независимо от моего ответа на вопрос № 1 мой ответ на этот вопрос также отрицателен. Однако по второму вопросу я скажу значительно меньше, т. к. я со всем уважением присоединяюсь к основным доводам, изложенным в решении большинства настоящего Суда.

Я уже говорил, насколько значимо право прессы на свободу слова в демократическом обществе; в равной мере первостепенную важность имеет поддержание авторитета и беспристрастности судов и защита прав сторон, обратившихся к ним за помощью. По этому вопросу я хотел бы процитировать отрывок из судебного решения, вынесенного лордом Моррисом в Палате лордов (с. 302):

“В общих интересах сообщества необходимо, чтобы авторитету судов ничто не угрожало, а обращение в них за помощью не становилось объектом неоправданного вмешательства. Такое неоправданное вмешательство наказывается не потому, что те, на кого возложена задача отправления правосудия, беспокоятся за свое собственное достоинство; это делается потому, что сама структура организованной жизни может оказаться в опасности, если с судами страны будут обращаться так, что их авторитет сойдет на нет. Но так как защита свободы всех членов общества в рамках права является целью и смыслом существования судов в обществе, очевидно, что суды никогда не должны подвергать свободу слова и свободной дискуссии никаким ограничениям, кроме тех, что являются *абсолютно необходимыми* (курсив мой)”.

Хотя я согласен с приведенными выше заявлениями лорда Морриса, при практическом применении содержащихся в них указаний к обстоятельствам данного дела я, как член настоящего Суда, прихожу к другому выводу.

Критерии Европейского Суда по правам человека при оценке необходимости, требуемой для введения ограничений на осуществление прав и свобод, перечисленных в статье 10 Конвенции, нередко могут отличаться от тех, что установлены национальными судами.

Несомненно, принцип свободы усмотрения, признанный правоприменительной практикой Суда, нужно постоянно иметь в виду, но разрыв между двумя системами норм, регламентирующих осуществление прав и свобод, охватываемых Конвенцией, может оказаться слишком велик, чтобы этот принцип всегда служил соединительным мостом между ними.

Наш Суд всегда, когда он считает это разумным и осуществимым, стремится создать единообразное международное европейское правило пользования правами и свободами, провозглашенными Конвенцией. Это может быть сделано постепенно, когда тому представится случай, и после учета того, что наработано национальными правовыми системами.

В Преамбуле к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод содержится ссылка на эту цель. Она заявляет, что Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию:

“—

учитывая, что [Всеобщая декларация прав человека] имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав,

...

вновь подтверждая свою глубокую приверженность этим основным свободам, которые являются основой справедливости и мира во всем мире и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократической политической системой и, с другой стороны, общим пониманием и соблюдением прав человека, с которыми они связаны,

преисполненные решимости как Правительства европейских стран, придерживающихся единых взглядов и имеющих общее наследие политических традиций и идеалов, уважения свободы и верховенства права, сделать первые шаги на пути коллективного осуществления некоторых из прав, сформулированных во Всеобщей декларации,

согласились о нижеследующем”.

— далее следуют статьи Конвенции.

В правовых системах континентальных государств, которые были среди тех, кто первым подписал Конвенцию, не имеется, насколько мне позволяют судить мои знания и информация, ничего похожего на институт общего права неуважения к суду — с его суммарным производством в отношении публикаций, затрагивающих вопросы незавершенного судебного разбирательства по гражданским делам. Несмотря на это обстоятельство этим странам удалось обеспечить у себя авторитет и беспристрастность правосудия. Следует ли мне соглашаться с доводами о том, что условия в Англии отличны и, для того чтобы обеспечить авторитет и беспристрастность правосудия, здесь приходится сохранять в неизменном виде спорный институт общего права, которому более двухсот лет? Мои знания и опыт, полученный за долгие годы общения с английскими судами и судьями, безоговорочно подсказывают мне, что стандарты отправления правосудия в Англии слишком высоки, чтобы на них могли оказать влияние публикации в прессе. Должен признаться, что за это заявление меня могут счесть пристрастным. Однако во мне говорит только профессиональный судья. В этой связи я солидарен с тем, что сказал лорд Салмон.

Несомненно, высший судебный орган Англии вполне компетентен судить о том, какие меры юридического характера должны быть приняты для того, чтобы оградить независимость и авторитет судов, права сторон по делу, поддержать чистоту и гласность отправления правосудия. Однако, учитывая критерии, которыми следует руководствоваться, я, как судья Европейского Суда, чувствую себя неспособным в свете статьи 10 п. 2 Конвенции согласиться с тем, что выдача судебного приказа, запрещающего публикацию проекта статьи “Санди таймс”, была необходима.

Публикация предполагаемой статьи не была предназначена для вмешательства предвзятого характера в ход правосудия или ущемления прав сторон по делу. Признается, что предназначенная к публикации статья была написана добросовестно и с честными намерениями, и это признается всеми. Издатель настаивал на фактической точности изложенных в ней данных, и они никем не оспаривались. Предметом статьи была участь жертв лекарства “Талидомид”. Глубина их несчастья была подробно описана как национальная трагедия. В вину “Дистиллерс” в статье ставилась небрежность, т. к. компания должным образом не проверила действие лекарства до его выпуска на рынок, и, по-видимому, эта часть статьи вызвала наибольшие возражения. Однако дискуссии и комментарии, относящиеся к проблеме небрежности прямо или косвенно, уже освещались в прессе на протяжении почти десяти лет, а недавно стали предметом обсуждения в Парламенте, хотя и вне связи с судебным процессом. Поэтому я не приемлю тезиса о том, что “Дистиллерс” подверглась бы неподобающему давлению и вынуждена была бы отказаться в ходе судебного разбирательства от линии своей защиты. Если бы лекарство было должным образом протестировано до выпуска его на рынок, они легко могли бы доказать это и отбить обвинения в небрежности.

Было ли слушание в суде неминуемым или нет в свете продолжительной пассивности сторон в процессе, является вопросом, открытым для серьезных сомнений.

Меры по недопущению “суда газет”, без сомнения, должны приниматься, когда в этом возникает необходимость. Но в отсутствие свидетельств о существовании подобной реальной перспективы я не желал бы руководствоваться абстрактной возможностью или действовать во имя принципа, когда нет достаточных оснований считать его применение целесообразным. Более того, как говорится в кратком изложении судебного решения, вынесенного лордом Деннингом в Апелляционном суде (п. 25 решения Европейского Суда): “Проведения суда газетами позволять нельзя. Однако следует соотносить общественный интерес к вопросам, вызывающим озабоченность страны, с заинтересованностью сторон в справедливости судебного разбирательства или мирном урегулировании спора; в настоящем случае общественный интерес в обсуждении проблемы перевешивает потенциальный вред, который может быть причинен какой-либо из сторон по делу... Даже в сентябре 1972 г. предполагаемая статья не представляла бы собой неуважения к суду: она являлась честным комментарием по вопросу, представлявшему общественный интерес...” Если бы намеченная публикация статьи могла с высокой степенью вероятности представлять реальный и существенный риск вмешательства или создания предвзятости при отправлении правосудия, мой ответ на вопрос № 2 был бы утвердительным.

Когда того требуют обстоятельства, несомненно, приходится искать баланс между свободой печати и других средств информации и обеспечением

авторитета и беспристрастности правосудия. И то и другое основополагающие элементы демократического общества и жизненно важны для обеспечения общественных интересов. Следует избегать любого столкновения между ними. Обязанность избежать такого столкновения и сохранить баланс между ними лежит на судебной власти, которая руководствуется указанными в законе критериями. Вот почему я делаю акцент на элементах оценки, которые используются при применении норм общего права о неуважении к суду, к прессе.

Я, может быть, повторяюсь, говоря, что настоящий Суд должен без колебаний установить в понятиях и рамках Конвенции, когда для этого будет повод, набор принципов, которые послужат путеводителем и своего рода общим знаменателем в деле соблюдения свобод и их ограничениях.

Я не могу удержаться от заявления, что традиционные стандарты, которые строго соблюдают издатели газет в Англии, выполняя свои обязанности и осознавая ответственность перед общественностью и властями страны, можно спокойно сравнивать с теми, которых придерживаются их континентальные коллеги. Поэтому трудно понять целесообразность наложения ограничений на свободу прессы в Англии в большей степени, чем где бы то ни было еще, путем сохранения ставшего анахронизмом института неуважения к суду по общему праву.

И вновь, отступая от темы, я позволю себе заключить мое особое мнение следующим замечанием:

Родина Великой хартии вольностей, Билля о правах и основных принципов правосудия, нашедших воплощение в англосаксонской судебной системе и в значительной степени инкорпорированных в Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, по моему скромному мнению, может легко позволить себе либо полностью покончить с институтом неуважения к суду, либо внести дополнения в эти нормы в направлениях, указанных в докладе Комитета Филлимора.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ О’ДОНОХЬЮ

Я согласен с выводами, содержащимися в особом мнении судьи Зекиа, и с его рассуждениями по вопросам 1 и 2.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭВРИГЕНИСА

Хотя я голосовал вместе с большинством Суда по всем пунктам постановляющей части судебного решения, я считаю, что вмешательство, юридически основывающееся на решении Палаты лордов, не может рассматриваться как “предусмотренное законом” в смысле Конвенции.

Ограничения права на свободу слова, которые предусмотрены статьей 10 п. 2, представляют собой исключения из режима осуществления этого права. В качестве таковых они должны не только ограничительно толковаться (судебное решение по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 21, п. 42, процитированное в п. 65 судебного решения по настоящему делу), но также быть достаточно четко и недвусмысленно оп-

ределены во внутреннем праве, с тем чтобы позволить каждому, кто пользуется свободой слова, действовать с разумной степенью представлений в отношении правовых последствий своего поведения.

Было бы трудно утверждать, что действия, предпринятые против заявителей, отвечали этому условию. Неопределенность правового института неуважения к суду в Соединенном Королевстве неоднократно вызывала критику в литературе и судебных решениях, а также в докладах различных комиссий (см. Доклад комитета по изучению вопроса о неуважении к суду, 1974, Cmnd. 5794, п. 216, подпункты 4 и 5); указанную характерную черту этого института продемонстрировала Палата лордов, применив его к настоящему случаю, путем использования принципа “предвосхищения судебного решения” (см. изданную Палатой директиву после вынесения решения). Примечательно, что, во-первых, большинство Комиссии проявило колебания с вынесением четкого определения по существу этого вопроса (доклад Комиссии, п. 205), а во-вторых, ссылки, появившиеся в решении Суда в поддержку той точки зрения, что вмешательство, основывавшееся на решении Палаты лордов, было “предусмотрено законом”, не слишком убедительны. Судебное решение цитирует, в частности, два прецедента (см. п. 51 и 52). Первый, *“Вайн продактс лтд.” против Грин* (1966 г.), который строился на “принципе давления”, несколько раз критиковался лордами-судьями в контексте настоящего дела. Второй, *Хант против Кларка* (1889 г.), по-видимому, никак не повлиял на мотивировку решения Палаты лордов при определении ею принципа “предвосхищения судебного решения”. Поразительно, что этот принцип не послужил правовым основанием для каких-либо решений, вынесенных по этому делу английскими судами, включая решение отделения Высокого Суда, который в 1976 г., три года спустя после решения Палаты лордов, отменил судебный запрет. Следовательно, если приходится делать вывод, что принцип, оправдывающий вмешательство во внутреннее право, выглядит новым (см. статью с. Дж. Миллера в “*The Modern Law Review*”, т. 37, 1974, с. 98), то его воплощение в жизнь высшими судами страны оказывается несовместимым с требованиями статьи 10 п. 2 Конвенции.

Конечно, никто не может пренебрегать особенностями внутренней правовой системы, в формировании которой прецедентное право традиционно было призвано играть видную роль; кроме того, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что при определении границы действия ограничений, упомянутых в п. 2 Конвенции, используются нечеткие понятия, которые не всегда уживаются с правовыми нормами, которые являются совершенно четкими, определенными и предсказуемыми. Тем не менее на Суде лежит обязанность быть более осторожным, прежде чем расширительно толковать выражение “предусмотрено законом”; последствием такого толкования могло бы стать ослабление принципа господства права, что подвергнет основные свободы, которые являются жизненно важными для того демократического общества, которое имели в виду составители Конвенции, риску вмешательства, которое невозможно примирить с буквой и духом данного международного договора.